

УДК 343.13

О ТЕНДЕНЦИИ К СУЖЕНИЮ ПРЕДМЕТА УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. А. Лукьянова

Барнаульский юридический институт МВД России,
старший преподаватель кафедры уголовного процесса

***Аннотация.** Статья посвящена предмету уголовно-процессуального регулирования в Российской Федерации. На основе анализа отдельных источников уголовно-процессуального права, изменений, внесенных в российское законодательство в течение последних лет, судебной практики автором сформулированы выводы о существующей тенденции к сужению предмета правового регулирования, размывании отраслевых границ уголовного судопроизводства.*

***Ключевые слова:** уголовное судопроизводство, правовое регулирование, административная юстиция.*

***Annotation.** The article is devoted to the subject of criminal procedural regulation in the Russian Federation. Based on the analysis of individual sources of criminal procedure law, changes made to Russian legislation in recent years, judicial practice, the author draws conclusions about the existing trend towards narrowing the subject of legal regulation, blurring the sectoral boundaries of criminal proceedings.*

***Keywords:** criminal proceedings, legal regulation, administrative justice.*

Значение правового регулирования в системе государственного устройства сложно переоценить. Применяя различные юридические приемы, правовое регулирование оказывает целенаправленное воздействие на определенную сферу общественных отношений с тем, чтобы организовать и сбалансировать их.

Сфера уголовной юстиции решительно отличается особым способом правового регулирования и используемыми методами и правовыми механизмами, что обусловлено ее функциональным предназначением и доминированием публичности. Именно обязанность государства защищать права и законные интересы лиц и организаций, пострадавших от преступлений, осуществлять уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания определяет и публичные притязания на использование принудительного уголовно-процессуального аппарата.

В этой связи, рассуждая о реализации прав и обязанностей личности в уголовном процессе, О. И. Андреева справедливо подчеркивает, что «свобода человека в выборе вариантов поведения в уголовном судопроизводстве, в осуществлении прав должна быть поставлена под контроль государства и государственных органов» [1, с. 129]. С. А. Бахта, отмечая императивно-

диспозитивный характер уголовно-процессуального права, обращает внимание на приоритет императивных начал в регулировании определенной области общественных отношений [2]. Императивное воздействие государство может оказывать вне зависимости от воли и интересов личности, оно предполагает отсутствие выбора, человек должен подчиниться обязывающему или запрещающему предписанию. В противном случае будут запущены механизмы принуждения.

Уголовное судопроизводство как общественная система объединяет в себе множество правовых отношений, связанных с производством по уголовному делу. Несмотря на их разнообразие, как справедливо писал В. П. Божьев, все эти отношения урегулированы уголовно-процессуальным правом и составляют единый предмет правового регулирования [3, с. 8].

В этом контексте обретает подлинную актуальность вопрос определения отраслевых границ уголовно-процессуального права и его предмета. Нельзя не согласиться с позицией А. В. Победкина: «В условиях очевидного расширения частных начал в уголовном судопроизводстве зыбкость границ между смежными видами судопроизводства ставит вопрос о нужности уголовного процесса как вида государственной деятельности, основанной на самостоятельной отрасли права» [4, с. 74]. Здесь совершенно обоснованно звучит и критика А. Б. Диваева: «Насколько неверно бесконечное расширение сферы уголовно-процессуальных отношений, настолько же не отвечает действительности и необоснованное сужение предмета уголовно-процессуального регулирования» [5, с. 43]. С одной стороны, уголовный процесс, так или иначе, затрагивает права и свободы личности, вовлекаемой в уголовно-процессуальные отношения. Поэтому человек заинтересован в том, чтобы минимизировать императивное воздействие на него и вывести разрешение интересующего его вопроса из области уголовного процесса в сферу, которой по юридической природе свойственна диспозитивность. С другой стороны, излишняя зарегулированность нормами уголовно-процессуального права, сращивание с уголовным процессом тех сфер общественной жизни, которые обладают иной правовой природой (например, сферы гражданского процесса, оперативно-розыскной, административной деятельности полиции), осложняют правоприменение, стирают отраслевые границы и снова создают правовую неопределенность. Поэтому сохранение баланса в вопросе определения предмета уголовно-процессуального регулирования является как никогда актуальным.

В 2015 году в Российской Федерации для урегулирования порядка осуществления административного судопроизводства по вопросам, возникающим из административных и иных публичных правоотношений, был принят Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС) [6]. Конституционной основой КАС выступила ст. 46 Конституции

Российской Федерации, декларирующая право на обжалование решений и действий (бездействия) органов государственной власти и должностных лиц. С этого времени административная юстиция стала методично поглощать смежные публично-правовые сферы. Уголовное судопроизводство не стало исключением.

Так, изначально к предмету регулирования КАС как возникающие из публичных отношений и связанные с защитой нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан были отнесены дела о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок. 27 декабря 2019 года сфера действия нормы, содержащейся в ст. 3 КАС, была расширена, предметом административного искового заявления теперь могут выступать требования о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей [7]. Хотя данные требования напрямую и не связаны с предварительным расследованием, но само содержание под стражей является результатом уголовного преследования лица, а значит, остается смежным и взаимопроникающим с уголовным процессом.

22 ноября 2022 года Федеральным законом Российской Федерации № 445-ФЗ КАС дополнен главами 31.2 и 31.3, регламентирующими порядок рассмотрения вопросов, связанных с пребыванием несовершеннолетнего в центре временного содержания несовершеннолетних правонарушителей (ЦВСНП) и учебно-воспитательном учреждении закрытого типа (СУВУЗТ). Перечисленные элементы аппарата государственного принуждения, как известно, используются в производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних и являются неотъемлемой частью этого неординарного производства.

В частности, согласно ст. 432 Уголовно-процессуального кодекса (далее — УПК) Российской Федерации, при рассмотрении уголовного дела суд вправе, постановив обвинительный приговор, освободить несовершеннолетнего подсудимого от наказания и применить к нему принудительную меру воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 90 Уголовного кодекса Российской Федерации) либо направить его в СУВУЗТ (ст. 92 Уголовного кодекса Российской Федерации). В ЦВСНП помещаются несовершеннолетние, направляемые в СУВУЗТ по приговору суда или ожидающие рассмотрения судом указанного вопроса, а также совершившие общественно опасное деяние до достижения возраста, с которого наступает уголовная ответственность [8].

До ноября 2022 года рассмотрение вопросов, связанных с пребыванием несовершеннолетнего осужденного в СУВУЗТ, являлось предметом уголовно-процессуального регулирования (чч. 3–8 УПК Российской Федерации, ныне утратившие силу). Однако результатом системного изменения российского законодательства стал перевод этой процедуры в административное

производство [9]. В настоящее время только порядок принятия исходного процессуального решения о помещении несовершеннолетнего осужденного в СУВУЗТ (ч. 2 ст. 432 УПК Российской Федерации) остается в пределах уголовно-процессуальной формы. Фактически произошло размежевание процедуры, обладающей единой юридической природой, в два производства, имеющих существенные отличия не только процессуальной формы, но и основополагающих принципов.

Здесь следует согласиться с В. В. Николуком, ставившим под сомнение обоснованность сохранения смешанной правовой природы названной меры воздействия и комментировавшим новеллы еще на этапе их рассмотрения Государственной Думой Российской Федерации: «В итоге попытка авторов законопроекта избежать “двойного” правового регулирования помещения несовершеннолетних осужденных в специальное учреждение и реализации этой меры принуждения... даст другой результат: сохранится “тройное” правовое регулирование со следующей межотраслевой дифференциацией» [10].

Учитывая схожесть правовых систем России и Беларуси, необходимо отметить, что белорусский законодатель все еще сохраняет компетенцию уголовного судопроизводства над исполнением принудительных мер воспитательного воздействия, о чем свидетельствуют ст. 440–441 УПК Республики Беларусь.

Далее, логически возникает вопрос: почему российский законодатель сузил предмет уголовно-процессуального регулирования по делам в отношении несовершеннолетних, оставив без внимания производство о применении принудительных мер медицинского характера. Несмотря на случившееся в 2021 году существенное переустройство ст. 435 УПК Российской Федерации [11], вопросы, связанные с временным помещением и нахождением лица в психиатрическом стационаре в ходе производства по уголовному делу, а равно вопросы, связанные с исполнением принудительных мер медицинского характера, остаются в уголовно-процессуальном ведении. Хотя с учетом нарастающей административно-правовой природы вопросы принудительной госпитализации граждан в медицинские учреждения уже разрешаются по правилам административного судопроизводства (глава 30 КАС).

Более того, в продолжение размышлений следует привести одно из очередных решений Конституционного Суда Российской Федерации, чей нормотворческий импульс за последние годы многократно видоизменял содержание УПК Российской Федерации.

20 января 2023 года, разрешая жалобу гр. Саркисяна, Суд соотнес положения КАС и УПК Российской Федерации в части предмета судебного контроля. Из материалов дела следует, что гр. Саркисян, находясь под стражей, обжаловал в порядке ст. 125 УПК Российской Федерации решение следователя

о его переводе из следственного изолятора г. Пятигорска Ставропольского края в другой — в г. Элисте Республики Калмыкия. Суды общей юрисдикции, неоднократно отказывая в передаче для рассмотрения в судебном заседании жалоб, мотивировали свое решение тем, что указанные заявителем обстоятельства не входят в предмет рассмотрения суда в порядке ст. 125 УПК Российской Федерации. Позиция Конституционного Суда Российской Федерации была однозначной: ст. 125 УПК Российской Федерации по своему конституционно-правовому смыслу предполагает рассмотрение судом по существу жалобы на законность и обоснованность решения о переводе из одного следственного изолятора в другой [12]. Вместе с тем ревизионный механизм уже запущен. Учитывая, что в предмет уголовного судопроизводства и административного судопроизводства входят вопросы судебного контроля, а процессуальные решения, связанные с производством по уголовному делу, являются не иначе как публично-правовыми, принимаемыми представителями органов государственной власти, поэтому последующий сценарий очевиден.

Резюмируя и оставляя толику недосказанности как предложение к дискуссии, отметим, что нормотворческий процесс в своем развитии должен стремиться к сбалансированности и гармонизации той сферы общественных отношений, на урегулирование которых направлена норма права. Сфера уголовного процесса как остро конфликтная требует повышенного внимания законодателя, а все принимаемые им решения должны быть выверены с тем, чтобы не создавать еще большей правовой неопределенности и правового неравенства.

1. Андреева О. И. К вопросу о способах правового регулирования в российском уголовном процессе // Вестн. Самар. гос. ун-та. 2014. № 11-2 (122). С. 125–132.

[Вернуться к статье](#)

2. Бахта С. А. О методе уголовно-процессуального права // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2009. № 5. С. 64–67. [Вернуться к статье](#)

3. Божьев В. П. Уголовно-процессуальные отношения. М. : Юрид. лит., 1975. 176 с. [Вернуться к статье](#)

4. Победкин А. В. О методе уголовно-процессуального регулирования // Вестн. Москов. ун-та МВД России. 2015. № 3. С. 73–76. [Вернуться к статье](#)

5. Диваев А. Б. Предмет уголовно-процессуального регулирования // Уголовная юстиция. 2019. № 14. С. 39–44. [Вернуться к статье](#)

6. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 8 марта 2015 г., № 21-ФЗ : в ред. Федер. закона от 17.02.2023. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

7. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 27 дек. 2019 г., № 494-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

8. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс] : Федер. закон, 24 июня 1999 г., № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

9. О внесении изменений в статью 432 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 21 нояб. 2022 г., № 447-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

10. Николук В. В. Направление осужденных несовершеннолетних в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа: смена парадигмы законодательной конструкции // Правосудие. 2019. № 2. С. 206–224. [Вернуться к статье](#)

11. О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации [Электронный ресурс] : Федер. закон, 30 дек. 2021 г., № 500-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)

12. По делу о проверке конституционности части первой статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. А. Саркисяна [Электронный ресурс] : постановление Конституц. Суда Рос. Федерации, 20 янв. 2023 г., № 3-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». [Вернуться к статье](#)